

Bal'mont, Konstantin D.

Světovzruk v prirodě i světovaja simfonija Skrjabina [Aleksandr Nikolaevič  
Skrjabin]

Moskva 1917

Mus.th. 5089 oto

urn:nbn:de:bvb:12-bsb00052206-2

---

### Copyright

Das Copyright für alle Webdokumente, insbesondere für Bilder, liegt bei der Bayerischen Staatsbibliothek. Eine Folgeverwertung von Webdokumenten ist nur mit Zustimmung der Bayerischen Staatsbibliothek bzw. des Autors möglich. Externe Links auf die Angebote sind ausdrücklich erwünscht. Eine unautorisierte Übernahme ganzer Seiten oder ganzer Beiträge oder Beitragsteile ist dagegen nicht zulässig. Für nicht-kommerzielle Ausbildungszwecke können einzelne Materialien kopiert werden, solange eindeutig die Urheberschaft der Autoren bzw. der Bayerischen Staatsbibliothek kenntlich gemacht wird.

Eine Verwertung von urheberrechtlich geschützten Beiträgen und Abbildungen der auf den Servern der Bayerischen Staatsbibliothek befindlichen Daten, insbesondere durch Vervielfältigung oder Verbreitung, ist ohne vorherige schriftliche Zustimmung der Bayerischen Staatsbibliothek unzulässig und strafbar, soweit sich aus dem Urheberrechtsgesetz nichts anderes ergibt. Insbesondere ist eine Einspeicherung oder Verarbeitung in Daten systemen ohne Zustimmung der Bayerischen Staatsbibliothek unzulässig.

The Bayerische Staatsbibliothek (BSB) owns the copyright for all web documents, in particular for all images. Any further use of the web documents is subject to the approval of the Bayerische Staatsbibliothek and/or the author. External links to the offer of the BSB are expressly welcome. However, it is illegal to copy whole pages or complete articles or parts of articles without prior authorisation. Some individual materials may be copied for non-commercial educational purposes, provided that the authorship of the author(s) or of the Bayerische Staatsbibliothek is indicated unambiguously.

Unless provided otherwise by the copyright law, it is illegal and may be prosecuted as a punishable offence to use copyrighted articles and representations of the data stored on the servers of the Bayerische Staatsbibliothek, in particular by copying or disseminating them, without the prior written approval of the Bayerische Staatsbibliothek. It is in particular illegal to store or process any data in data systems without the approval of the Bayerische Staatsbibliothek.

Mus. Th.

5089

ata

1117  
1117  
К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

---

СВѢТОЗВУКЪ ВЪ ПРИРОДѢ  
И  
СВѢТОВАЯ СИМФОНІЯ СКРЯБИНА.

«КОНЦЕРТНАЯ  
БИБЛИОТЕКА  
КУСЕВИЦКИХЪ».

НОТНЫЙ МАГАЗИНЪ  
РОССІЙСКАГО МУЗЫКАЛЬНАГО ИЗДАТЕЛЬСТВА.  
МОСКВА. — 1917.

124



К. Д. БАЛЬМОНТЪ

СВѢТОЗВУКЪ ВЪ ПРИРОДѢ

и

СВѢТОВАЯ СИМФОНИЯ СКРЯБИНА.

«КОНЦЕРТНАЯ  
БИБЛИОТЕКА  
КУСЕВИЦКИХЪ».

НОТНЫЙ МАГАЗИНЪ  
РОССІЙСКАГО МУЗЫКАЛЬНАГО ИЗДАТЕЛЬСТВА.

МОСКВА.—1917.

МАГАЗИНЪ  
РОССІЙСКАГО МУЗЫКАЛЬНАГО ИЗДАТЕЛЬСТВА  
МОСКВА, Кузнецкий мостъ, д. № 9.

Mus. Nr. 5089 oto

**Bayerische  
Staatsbibliothek  
München**

Fg 188/7600

## Свѣтозвукъ въ Природѣ

и

### Свѣтовая Симфонія Скрябина.

Міръ исполненъ соучастій. Природа—нерасторжимое всеединство. Звѣздныя дороги Вселенной слагаютъ одну поэму. Жизнь есть многосложное слитное видѣніе. И такъ какъ жизнь есть сонъ, а во снѣ краски свободно переливаются въ звуки, и мысль, едва подуманная, превращается въ дѣйствіе, понятіе Свѣтозвука есть не произвольное словосочетаніе, а точное утвержденіе, осуществляющаеся въ мірахъ, дѣйствительности.

Будничное сознаніе человѣка самоограничиваетъ себя, и, умомъ расчленяя Вселенную, видитъ отдѣльныя части ея, отдѣльныя ея состоянія, въ своемъ частичномъ бытіи естественно принимая отдѣльность за самостоятельное цѣлое, единичности за самодавлющую сущности, не улавливая гармонической связи всего, не углубляясь и не возвышаясь до всеобъемной созерцательности. Человѣкъ, объятый сномъ, художникъ, ваятель, поэтъ, музыкантъ, объятый творчествомъ, истинный любовникъ, объятый влюбленностью, умственно разрушаетъ частичные предѣлы, какъ весеннее Солнце разрушаетъ сцѣпленіе холода

и льда, и пѣнящаяся рѣка, взломавшая ледъ, зали-  
ваетъ самые высокіе берега, неся въ сочетаніи свѣта  
и звука откровеніе новой жизни.

Если я наклонюсь къ раскрытой книгѣ такъ близ-  
ко, что мои глаза будутъ въ уровень со страницей,  
я не увижу ничего, я буду на мгновеніе слѣпъ, и  
лишь болѣзненно почувствую, какъ что-то шерохова-  
тое лишаетъ меня божескаго дара зрѣнія, что-то  
отдѣльное, тупое и враждебное возникнетъ предъ  
моимъ лицомъ неумолимою стѣною тюрьмы. Я чуть-  
чуть отодвинусь, и глазъ мой увидитъ отдѣльныя  
буквы, какъ отдѣльныя существа, лишенныя между  
собою связи. Я увижу по очереди ничего не знача-  
щія начертанія—*в, о, л, я*. Я отодвинусь еще чуть-чуть,  
немного приподнимая голову надъ нѣмою преградой,  
и эти безсвязныя существа, буквы, только мучившія  
мое зрѣніе, обрадуютъ его, слившись въ магически  
освободительное слово *воля*. Я отодвинусь еще даль-  
ше, я подниму свою голову со всѣмъ достоинствомъ  
свободнаго существа, и уже не будетъ безсвязныхъ  
буквъ, но въ раскрытой книгѣ я прочту лучезарную  
мысль:— „Воля правитъ Вселенной. Міръ есть музы-  
ка. Духъ, вещество, душа, и мысль суть одинъ нераз-  
дѣльный Свѣтозвукъ“.

Свѣтъ и звукъ неразъединимы въ Природѣ, но,  
не имѣя полноты ясновидѣнья, мы только иногда это  
замѣчаемъ. Небесный огонь, молнія, говоритъ вне-  
запнымъ желтокраснымъ цвѣтовымъ изломомъ, но  
одновременно же онъ говоритъ звукомъ грома, вла-  
дѣющимъ творческою мыслью всѣхъ первобытныхъ  
народовъ, всѣхъ первородныхъ умовъ, круговоротомъ



легендъ всего Земного Шара, и созидательной игрой высокихъ поэтовъ. Земной огонь, начинаясь искрой, зажигаетъ, одновременно, сухую траву или дерево, и, опрокидываясь искрой въ мысль, зажигаетъ перво-вѣсть творческой мечты, и этотъ малый огонекъ, качнувъ черныя тѣни безмолвія, въ секундѣ свѣтового своего рожденія возникаетъ—и въ рожденіи звуковомъ, шелеститъ, шипитъ, клокочетъ, свиститъ, напѣваетъ, поетъ, гудитъ, слагаетъ цвѣтовую звукопозему Огня.

Первобытный Индусъ, который въ утреннемъ своемъ тайновѣдѣніи и прозрѣніи въ сущность явленной міра, слагалъ свои вѣдовскія пѣснопѣнія, называющіяся „Ведійскими Гимнами“, воспринималъ ликъ Огня, и земного и небеснаго, какъ Свѣтозвукъ,—Огонь для Индуса поетъ, онъ неразъединимъ съ говорящимъ голосомъ. Бѣлый рождаясь, красный взростая, пламепвѣтный богъ среди темныхъ, Агни мчится на красныхъ коняхъ. А кони не только сіяютъ своимъ явленіемъ, но и будятъ звукъ. Конь блещетъ своею гривой и хвостомъ и всѣмъ своимъ искрометнымъ огнедышущимъ ликомъ, но въ то же время онъ поетъ своимъ ржаньемъ, такимъ звонкимъ, что этотъ звукъ гласитъ побѣду.

„Веды“ поютъ, что одинъ у бога Солнца красный конь, но два ихъ, и больше красныхъ коней, у Огня. На лукѣ одна тетива, и стрѣла поетъ, досягая. Пѣсня стрѣлы многозвучна. Такъ точно, въ древности, возникла изъ лука у волшебниковъ Египта арфа. И одна струна-тетива превратилась въ двѣ и четыре. И потомъ ихъ стало и шесть и восемь. И даже до двадцати. Такъ точно, умножается число ко-

ней Агни въ Индусскихъ пѣсняхъ, число его путей, лучезарныхъ дорогъ Свѣтозвука, въ міровыхъ пространствахъ.

„Веды“ поютъ. „Въ черныхъ ночахъ — красный свершитель, Агни“. А творцы свершеній всегда творятъ свою работу — пѣсней и съ пѣсней. „Агни, услышь мой зовъ, мчатъ ли тебя два вороные коня, или гнѣдые, или два рыжихъ“. „Каріе кони—твой, и тѣ, красноватые, и красные эти—твой жеребцы“. „Путь Агни и черный, и бѣлый, и красный, путь Агни—блестящій, румяный, и желтый.“ Позднѣй, когда умъ Индуса утончаетъ свои построенія въ „Упанишадахъ“, онъ поетъ: „Вотъ имена семи языковъ Огня, семь перепархиваютъ: Черный, лютый, мысльбыстрый, алый, дымный, рассыпчато-пѣнный, всесіяюще-яркій“. А свойство языка—говорить и пѣть. И всѣ созданія Индусской поэтической мысли пронизаны пѣніемъ Огня, всѣ паутинныя построенія Индійской умственности тонкими лунно-радужными тропинками ведутъ въ Свѣтозвукъ.

Пропѣвшій „Упанишады“, чтецъ голосовъ міра, Индусъ говоритъ, что ликъ Истины сокрытъ золотымъ дискомъ. Но онъ же говоритъ, что этотъ ликъ открывается вѣрному, и что ведетъ къ достиженью, по красивой дорогѣ, Огонь.

„Веды“ поютъ: „Ты съ блестящею рѣчью поэтъ, о, Агни,—съ языкомъ лучезарнымъ пѣвецъ“. Казнохранитель богатой казны, лучисто-волосый, владыка двоякаго міра, онъ, чей утонченный въ воздухѣ путь наилучшій, хранящій въ себѣ полноту бытія, хранитель племенъ человѣческихъ, хранимый въ домѣ, какъ

новорожденный ребенокъ, владыка всѣхъ почитаній, сынъ двухъ матерей, лучший вождь, любовникъ Зари, тысячеглазый Агни, смотрящій на человѣка, знающій все, веселый гость, испытанный другъ, повластный хозяинъ, Огонь распространяется въ міръ свѣтовою волной, и слово его идетъ къ небу.

Есть еще, полное означительной глубинности, Индусское сказаніе о связи растеній съ Огнемъ. Первотворецъ, Праджапати, древле былъ Вселенной. Но растенья своевольны и полны хоти. Растенія взобрались по нему. Они захотѣли стать выше, чѣмъ онъ, Первотворецъ. И они выросли на немъ и надъ нимъ. Онъ не могъ быть выше растеній. Онъ зачахъ, покрытый ихъ свѣтлю. Тогда возникъ Огонь. И едва онъ возникъ, какъ сила растеній перешла въ него.

Не потому ли Огонь шуршитъ и шелеститъ какъ деревья, и, смотря въ костеръ, видишь вѣтви, вершины лѣса, слышишь голосъ чащи, видишь цвѣтенье цвѣтовъ на вѣтвяхъ, удлиненные стебли пламени, слышишь гудъ тысячелѣтняго бора?

До нашихъ дней донесшіе, черезъ вѣка, свое Огнепоклонничество, разумѣющіе голосъ Огня, Парсы, также сочетаютъ ощущеніе пламени съ говорящимъ глаголомъ, — въ священныхъ книгахъ „Авесты“ они, говоря объ Огнѣ, строятъ въ словесной живописи Свѣтозвукъ. Они говорятъ: „Когда съ приближеніемъ разсвѣта поетъ пѣтухъ, этотъ барабанъ міра, демоны дрожатъ, испуганные. Въ часъ озаренія зари, птица знанья, Пародарсъ, та, что провидитъ, слышитъ голосъ Огня. Тогда зловражескій духъ Бушіаста, длиннорукой, рушится изъ области Сѣвера,

кличетъ изъ области Сѣвера, лжетъ, говоря:— „Спите, о, люди. Спите, грѣшите. Въ грѣхѣ живите. Грѣша, дремлите. Грѣшники, спите!“ Но громко поетъ пѣтухъ, веселится лучезарный Создатель, и Демонъ, обезсиленный, рушится назадъ, въ область Сѣвера“.

Если такъ говорятъ объ Огнѣ два благородные Азійскіе народа, Эллинская мудрость, преломленная призмой начальнаго Христіанства, говоритъ родственно, въ лицѣ Діонисія Ареопагита. Въ его книгѣ „О Небесной Іерархіи“, гдѣ рѣчь идетъ о силахъ небесныхъ, о чинахъ ангельскихъ, о серафимахъ, херувимахъ, престолахъ, о господствахъ, властяхъ, началахъ, первоангелахъ, ангелахъ,—а что есть ангелъ, какъ не воплощенный Свѣтозвукъ? что есть ангелъ, какъ не поющій цвѣтокъ, какъ не глаголящій свѣтъ, какъ не лучистый псаломъ, какъ не пловучее сновидѣніе, опровергающее нашу будничную мысль и говорящее о таинствахъ Міровой Музыки, о безграничности досягновеній души и распростираний Духа?—мы читаемъ: „Огонь существуетъ во всемъ, проникаетъ все, пріемлется всѣмъ. Хотя онъ даетъ свой свѣтъ цѣликомъ, онъ въ то же время хранитъ его скрытымъ. Его не знаютъ, когда ему не даютъ вещества, дабы являть свою силу. Онъ не видимъ, но неукротимъ, и онъ имѣетъ власть преобразать въ себѣ все, къ чему онъ касается. Онъ все молодитъ своей жизненной силой. Онъ всегда въ движеніи. Онъ движется самъ и движетъ всѣмъ. Онъ имѣетъ власть схватить, а его нельзя взять. Онъ незримо соприсутствуетъ во всемъ. Имъ пренебрегутъ

и подумаютъ, что онъ не существуетъ, но лишь подвергни тренію нѣкое вещество, и вдругъ, какъ мечъ изъ ноженъ, онъ вырвется, сіяетъ собственной своей природой, и улетаетъ въ воздухъ. Въ немъ можно найти еще и другія качества. Вотъ почему богомудрые возвѣстили, что небесныя сущности образованы изъ Огня, и этимъ самымъ, сколь возможно, созданы по образу Бога“.

Онъ имѣетъ еще и другія качества: Одно изъ нихъ—звуковое свойство—способность пѣть. Онъ все молодитъ своей жизненной силой: А молодость всегда любитъ и поетъ. Онъ весь движеніе: А движеніе невозможно безъ звука. Изъ него созданы небесныя сущности, первоангелы и ангелы: А святой Василій говоритъ, что дѣло ангеловъ псалмопѣвчество.

Если отъ горъ и рѣчныхъ побережій Индіи, отъ свѣжихъ плоскогорій Ирана, отъ горныхъ областей псалмопѣвческихъ ангеловъ и первоангеловъ, облеченныхъ въ огненные одежды, мы обратимся къ міру нашей собственной природы, раскинутой кругомъ, если мы прильнемъ къ ней, приникновенно, мы вездѣ ощутимъ въ природѣ Музыку, пѣвучее соотвѣтствіе ея частей, напѣвный ладъ всѣхъ соотношеній, одновременность тайнодѣйствія свѣта и звука, причинность и существованіе ихъ, многосложную пѣсню Огня, гармонизирующій Свѣтозвукъ.

Вотъ „Разсвѣтъ“.

Едва озарены верхушки горъ.  
Еще не вышло гордое свѣтило,  
Въ которомъ всѣмъ земнымъ восторгъ и сила.  
Сейчасъ оно начнетъ дневной дозоръ.

Подъ бѣлой дымкой зеркало озеръ.  
Цвѣты—еще закрытыя кадила.  
Долины спятъ. Но тьма ужъ уступила,  
И только знака ждетъ старинный боръ.  
Купавы словно дремлющія луны.  
Все шире свѣтъ. Все ярче горный храмъ.  
Расплавленный рубинъ по ледникамъ.  
Весь мѣръ земной натянутыя струны.  
Скорѣй. Скорѣй. Мы снова будемъ юны.  
И токъ огней ударилъ по струнамъ.

Изъ этой природной картины, гдѣ Музыкальная Воля ежедневнаго мѣротворчества силою Свѣтозвука обращаетъ бездѣйственную дремоту въ пряжу бодрствующаго сознанія—перенесемся мгновенно въ концертную залу, гдѣ духъ творитъ подобное не волею протянутыхъ лучей, а колдующей волею рукъ.

Настраиванье скрипокъ. Токъ ручьевъ,  
Себя еще пытающихъ, неровныхъ,  
Но тронувшихъ края надеждъ верховныхъ,  
И сразу доходящихъ до основъ.

Духъ пробужденъ. Въ немъ свѣтъ, который новъ  
Пробѣгъ огней утонченно-духовныхъ.  
Мѣръ возниканья сновъ непрекословныхъ,  
По волѣ прикасанія смычковъ.

Мигъ тишины. Въ огняхъ застыла зала.  
Не дрогнетъ жезлъ въ приподнятой рукѣ.  
Еще сейчасъ душа была въ тоскѣ.

Вотъ въ ней мгновенно притупилось жало.  
И съ пальцевъ рукъ теченье побѣжало.  
И духъ плыветъ въ ликующей рѣкѣ.

Голосъ Свѣтозвука явственно ощутимъ. Музыка,  
вѣчно строящая себя въ мѣрѣ во временныхъ

предѣльностяхъ Разсвѣта, Утра, Полдня, Заката, Вечера, и Ночи, четко слышна и зрима поэтическому міроощущенію, которое по существу своему есть провидческое и яснозрящее.

Съ утра до полдня въ духѣ я пѣвучемъ,  
Со всѣмъ земнымъ я все же не земной.  
Я восхожу съ растушею волной,  
До полдня, къ Солнцу, къ тѣмъ горниламъ жгучимъ.

Найдемъ, сверкнемъ, полюбимъ, и замучимъ,  
Занѣжимъ семицвѣтной пеленой.  
Къ чертѣ разсвѣта! Къ музыкѣ! За мной!  
Взнесемъ дары, и приобщимъ ихъ къ тучамъ!

Но вдругъ въ душѣ означится изломъ.  
Произитъ предѣль восторженность сгорания.  
Двѣнадцать. Солнце кончило игранье.

Хоть вы придите, молнія и громъ!  
До завтра мгла и ошупь собиранья.  
Но завтра утро вновь качнетъ крыломъ!

Та міровая Музыка, которая, въ недвижномъ своемъ ликѣ и въ безгласной пѣвучести, являетъ себя въ соразмѣрностяхъ горныхъ цѣпей, въ идеальныхъ линияхъ Казбека, Монблана, и Фуджи-Ямы, въ краскахъ алмаза, рубина, аметиста, въ кристаллахъ и снѣжинкахъ, въ человѣческомъ зодчествѣ, въ исполинскомъ храмѣ Боро-Будуръ, облеченномъ рамою вулкановъ Явы, въ Эллинскомъ изваяніи воздушныхъ складокъ, токъ которыхъ журчитъ въ душѣ,—эта міровая Пѣвучесть, въ подвижномъ своемъ ликѣ, создаетъ Autos Sacramentales разсвѣтовъ и закатовъ, гдѣ цвѣтовья симфоніи и пляски красокъ не толь-

ко сосуществуютъ, но и сопричинны съ пѣніемъ птицъ и вскриками людей.

Мнѣ припоминается одна поразительная ночь. Это было весной, во Франціи, въ Парижѣ. Охваченный внутренней смутой, я не вернулся домой вечеромъ, и всю ночь оставался въ Булонскомъ лѣсу. Первая птица утромъ и послѣдняя вечеромъ, дроздъ про-свирѣлилъ віолончельно-густую свою вечернюю пѣсню, звуки растаяли въ холодѣющемъ воздухѣ медвяно и печально, и, когда наступила ночь, она была безгласна, только ключъ тихо журчалъ, стекая въ озеро. Цѣлую ночь я смотрѣлъ на звѣзды и слушалъ тишину. Не было звуковъ, кромѣ отдѣльныхъ шелестовъ, такихъ же неявственно вздрагивающихъ, какъ эти дрожанія отдаленныхъ недостижимыхъ звѣздъ, и кромѣ журчанья ключа, который не нарушалъ тишины и только роднился съ неумолимо журчавшей въ моей душѣ непрерывавшейся тоской. Къ исходу ночи весь мракъ вокругъ образовалъ какой-то хрустальный сводъ, нѣкое кристаллическое капище. И вдругъ одна звѣзда сорвалась. Въ ту же самую секунду въ воздухѣ прозвенѣлъ одинъ птичій вскрикъ, это проснулся дроздъ. И ночь мгновенно превратилась въ утро, а воздухъ наполнился перекличками голосовъ. Этотъ мигъ преломленія ночи въ свѣтозвучной секундѣ я выразилъ въ одномъ изъ стихотвореній „Хоровода Временъ“, но въ немъ зачерпнулъ лишь струю изъ какого-то огромнаго озера, чье имя — Тайна.

Съ первымъ птичьимъ крикомъ Ночь сломалась,  
Зеркало хрустальное разбилося,



Травы зашептались, чуть шурша.  
Въ озерѣ все Небо отражалось,  
Полночь въ безглагольномъ отразилась,  
Тихая, въ безгласномъ задержалась,  
Капли звѣздъ изъ звѣзднаго ковша.

Но рука незримая качнулась,  
Звѣздное качнула коромысло,  
Капля съ Неба свѣялась къ Землѣ.  
И одна былинка шевельнулась,  
Измѣнивъ серебряныя числа,  
Вся сребристость въ числахъ пошатнулась,  
Птицу разбудивъ въ росистой мглѣ.

Вскликнула, и съ легкимъ этимъ свистомъ  
Цѣлый замокъ рушился молчанья,  
И раздался всюду тонкій звонъ.  
Птичій хоръ напѣвомъ голосистымъ  
Двинулъ звуковыя колебанья,  
Шевельнулъ затономъ серебристымъ,  
И румянецъ бросилъ въ небосклонъ.

Въ роцѣ все было такъ, какъ я рассказалъ. Это не красивая сказка, лишь измышленная и пропѣтая. Это одна изъ тѣхъ вѣчныхъ красивыхъ сказокъ, которыя осуществляются въ природѣ каждый день, каждую ночь, каждый часъ, каждую секунду, каждое дѣленіе секунды, ускользящее отъ нашей способности дѣлать. Но не каждую секунду и минуту у насъ есть путь приближенія къ сказкѣ дѣйствительности. Творчески мыслящій и чувствующій художникъ, беря это слово всеобъемно, въ мигъ чуткомъ въ сказку входитъ какъ въ свой чертогъ, и знаетъ, что звуки свѣтятъ, а краски поютъ, и запахи влюбляютъ, а слова разбиваютъ горы и прорѣзаютъ материки.

Солнечная птица, пѣтухъ, поетъ, зная время, то-есть передвиженіе свѣтилъ, и его пѣніе даетъ звуковую зеркальность неуловимымъ для нашего глаза тонкимъ переменамъ въ движеніи пространственныхъ свѣтовыхъ волнъ. Кто слушалъ много, въ деревнѣ или въ маленькомъ глухомъ городкѣ, пѣніе пѣтуховъ, правильно указующее полночь, разсвѣтъ, и утро, тотъ знаетъ, что каждый разъ они поютъ по-разному. Полночный мракъ, полночный сумракъ входитъ въ звукъ пѣтушьяго голоса, дѣлая его умягченнымъ и уравни-мѣреннымъ въ силѣ. Тотъ же органъ, та же играется пѣсня, но регистровый рычагъ, называемый тьмой, выключилъ нѣчто изъ звукового дѣйствія, передвинулъ голосъ органа, и пѣсня, повторяя тѣ же ноты, звучитъ заглушенно, и говоритъ внимательной душѣ не о преломленіи ночи разсвѣтомъ, и не о свѣжей радости утра, а о глухой торжественности ночного часа, который чернымъ бархатомъ покрыла дремотная полночь.

Кто былъ въ Бретани, тотъ знаетъ, что надъ полями, раскинутыми вдоль сѣраго Бретонскаго моря, неумолкаемо поютъ весной многіе десятки, сотни жаворонковъ. Они поютъ поодиначкѣ, и поютъ, сливаясь въ хоры, какъ и у насъ. Но тамъ ихъ больше, въ Примелѣ, въ Дамганѣ, въ Кервойялѣ, чѣмъ, на примѣръ, въ моей родной Владимірской губерніи, и пѣніе ихъ близъ широкихъ волнъ Океана проникновеннѣй. Кто слушалъ жаворонка, тотъ знаетъ, что утренняя его пѣсня не такая, какъ вечерняя. Солнце правитъ его пѣсней, солнечный свѣтъ входитъ въ звукъ, рождаемый этимъ малымъ птичьимъ горломъ,

и утреннее Солнце таитъ въ себѣ силу любовной встрѣчи, а вечернее Солнце входитъ въ голоса нѣжно-грустнымъ голосомъ, поющимъ „Прощай“ и „До свиданья“. Всего удивительнѣе то, что, когда на поляхъ, протянувшихся между Дамганомъ и Кервойялемъ, густѣютъ вечерніе сумерки и вотъ ужъ всѣ жаворонки сидятъ по гнѣздамъ на землѣ и молча дремлютъ, ты думаешь, что не услышишь ихъ голоса до завтрашняго утра. Но вотъ Солнце, которое заходило, которое погружалось за черту горизонта, свѣтитъ алымъ краемъ, и краешкомъ, и полоской, и чертой алости надъ чертой кругоема, и вотъ стерлось. Тогда, въ эту самую секунду, срывается съ земли жаворонокъ, и другой, и третій, и стая ихъ, и всѣ они—поютъ, вносясь, прощальную пѣсню Солнцу.

Это—таинство Свѣтозвука, и тутъ Солнце неотдѣлимо отъ сѣрой птички, зовущейся жаворонкомъ.

Природа поетъ жаворонкомъ, когда свѣтитъ Солнцемъ. Золотой свѣтъ Солнца навсегда отпечатлѣлся на перышкахъ канарейки, которая даже въ комнатѣ, даже въ клѣткѣ, даже въ чужой зимѣ, хранитъ настолько секундно-точное соотвѣтствіе своей нѣжной шейки съ небеснымъ запястьемъ Солнечнаго Диска, что чуть лучъ Солнца скользнетъ чрезъ зимніе узоры окна и коснется горла птички, въ этой самой секундѣ осуществляется разсыпчатая пѣсня птички, ознанной съ тайнами райскихъ острововъ, послѣднихъ оплотовъ океаническихъ торжествъ погибшей Атлантиды.

Природа посылаетъ лунное серебро въ горло соловья, и, покорный этому дару, трубадуръ Ночи сла-

гаеть съ начала міра лунно-любовныя пѣсни, онъ научилъ всѣхъ поэтовъ Земного Шара луннымъ баладамъ и влюбленности, всѣмъ музыкантамъ подарилъ лунныя серенады и сонаты влюбленности. И когда соловей, опьяненный весной, измѣняетъ Ночи и поеть въ свѣтѣ Солнца, онъ, имѣющій таинственное соотношеніе не съ Солнцемъ, а съ Луной, поеть пьяно-прерывисто, не осуществляетъ надлежаще всѣхъ возможностей своего сладкопѣвнаго малаго горла. Въ лунную же ночь онъ поеть съ такой стройностью, что Джэлальэддинъ Руми, и Хаканій, и Гафизъ отъ него переняли даръ построить жемчужныя ожерелья изъ словъ и власть рассыпать розовыя лепестки напѣвности предъ ликами сладчайшими черноокой Персіи.

Огонь поеть, ибо Огонь живетъ, а жизнь творить, а творчество есть пѣсня.

Я не знаю, къ чему въ точности привели достопримѣчательныя опыты, дѣлавшіеся въ концѣ XIX вѣка въ Европѣ надъ физически-музыкальнымъ инструментомъ, который называется Пирофонъ, Огнеголосъ, Пламезвукъ. Въ книгѣ „Поющія Пламени“, „Les Flammes Chantantes“, Фрэдерику Кастнеру описываетъ это орудіе Свѣтозвука какъ приборъ, имѣющій тринадцать вѣтвей, мечущихъ многообразныя пламени. „Скромная химическая гармоника“, говоритъ онъ, „lumen philosophicum“, свѣточъ философскій, какъ говорили когда-то, достигла въ Огнеголосѣ свойствъ настоящаго музыкальнаго инструмента. Къ этому прибору нужно было примѣнять иногда различныя способы дѣйствія: на примѣръ, звукъ пламени

нужно вызывать, — издавши родственный звукъ, въ гармоническомъ соотношеніи съ той нотой, которую долженъ создать Огнеголосъ. Если въ стеклянную трубочку, или въ другого вещества трубку, ввести два пламени или нѣсколько пламеней надлежащей величины, и помѣстить ихъ на трети длины трубочки, считая отъ основанія, пламени вибрируютъ въ униссонъ, звуча, трепещутъ согласно. Явленіе это продолжаетъ осуществляться, пока пламени пребываютъ разъединенными, но звукъ прекращается тотчасъ, чуть пламени соприкоснутся. Двухлѣтніе опыты создали музыкальный инструментъ съ тембромъ совершенно новымъ, приближающимся къ человѣческому голосу. Этотъ инструментъ состоитъ изъ трехъ клавиатуръ, сочетающихся какъ въ органѣ. Каждая изъ клавишей, съ помощью механизма чрезвычайно простого, сообщается съ проводниками, приводящими пламени въ стеклянные трубочки. Когда нажимаютъ на эти клавиши, пламени разъединяются, и звукъ создается тотчасъ. Какъ только клавиши освобождаютъ отъ касанья, пламени сближаются и звукъ прекращается немедленно. Звуки, издаваемые Огнеголосомъ, одновременно нѣжны, могучи, притягательны, и полны четкой выразительности. Въ нихъ много закругленности и полноты. Въ нихъ какъ бы чувствуется человѣческое страстное дыханіе. Въ нихъ кромѣ того, въ общемъ, чувствуется печальность, которая повидимому составляетъ свойство всѣхъ природныхъ гармоній. Если Огнеголосъ скрытъ отъ глазъ, можно подумать, что это женскій голосъ, поющій съ аккомпаниментомъ. Онъ создаетъ созвучья, подоб-

ные аккордамъ золотой арфы, и можетъ также достигать діапазона органа самаго величественнаго“.

Въ связи со всѣмъ сказаннымъ, любопытно отмѣтитъ наблюдение физика Шреттера. Онъ наблюлъ, что пламя водорода, его химической гармоникой, окрашивалось двойко: Внутри былъ ликъ голубого пламени, зримаго въ темнотѣ, во-внѣ это было желтое пламя. Впрочемъ, это вообще свойство пламеней Огня. Сердце Огня голубое, а ликъ его красный и желтый. Таково рождение Огня космогоническое. Таково его явленіе и въ частичныхъ ликахъ ежедневности. Такимъ образомъ совершенно глубинный смыслъ получаетъ чисто внѣшнее наблюдение Шреттера, что все, что препятствуетъ сгоранію голубого пламени, мѣшаетъ всякому звучному проявленію Огня.

Любопытно также наблюдение Тиндаля: „Когда смотришь во вращающееся зеркало на безгласное пламя, способное быть возбужденнымъ, какъ сказано, видна только непрерывная свѣтовая полоса. Нѣтъ ничего красивѣе, какъ увидѣть мгновенное преображеніе этой сплошной ленты въ ожерелье жемчужинъ очень свѣтлыхъ, въ то самое мгновеніе, когда голосъ запѣваетъ слышимый звукъ“.

Любопытно, наконецъ, вспомнить, что докторъ Хиггинсъ замѣтилъ звукъ вибрирующаго пламени еще въ 1777-мъ году. Еще—или только? Поэты міра замѣчали его всегда.

Огонь есть свѣченіе и Огонь есть звучаніе. Говоря одновременно всякому зрѣнію и утонченному слуху, Огонь есть одна изъ лучезарныхъ ипостасей Мирового Свѣтозвука. Но въ природѣ все четко и все зеркально.

Какъ свѣтъ отражается въ зеркальностяхъ души звукомъ, такъ звукъ зеркально рождаетъ въ душѣ свѣты и цвѣта. Но, чтобы это было, въ душѣ должно быть магическое зеркало творческаго прозрѣнія и первороднаго міроощущенія. Мы не подозрѣваемъ, по краю какихъ пропастей мы ходимъ каждую секунду, и по какимъ проходимъ пышнымъ сокровищницамъ, не видя ихъ. Мы совсѣмъ не подозрѣваемъ, какъ мы мало видимъ, слышимъ, и чувствуемъ. Мы не видимъ даже существъ, которыя именуемъ инфузоріями, и считаемъ какъ бы несуществующими въ силу ихъ малости,—между тѣмъ, увидѣнные, они являются намъ огромными, и кто хоть разъ подсмотрѣлъ, какія у этихъ существъ сознательныя, какія человѣческія движенія, тотъ не забудетъ этого никогда. Мы не слышимъ проростанія травъ. Деревенскій колдунъ и краснокожій Индіецъ слышитъ этотъ звукъ. Изысканный провидецъ, Эдаръ По, слышалъ не только это, но и передвиженіе свѣта, которое люди только видятъ.

Эльфъ среди людей, Скрябинъ, обладалъ цвѣтнымъ слухомъ, какъ до него имъ обладалъ могучій Берліозъ, пламенный Листъ, и зиждительно - свѣжій Римскій-Корсаковъ. Цвѣтовой слухъ выражается въ томъ, что звуки или пѣвучія суммы звуковъ, гармоніи, тональности, сочетаются съ ощущеніемъ цвѣтосвѣта. Эта способность личная, обособленная. При различіи музыкальнаго генія, у Римскаго-Корсакова и Скрябина получается таблица различествующая, то совпадающая до тождества, то расходящаяся до противоположности, которая дополнительной своѣй по-

лярностью тоже указываетъ на такое тождество. Желтый цвѣтозвукъ Римскаго-Корсакова совпадаетъ съ желтымъ Скрябина. Синій Римскаго-Корсакова возникаетъ у Скрябина какъ голубой, а сѣровато-зеленоватый какъ синій. Это—тождество, родство, и сходство. Зеленый цвѣтозвукъ Римскаго-Корсакова возникаетъ у Скрябина какъ красный. Это возстановленное тождество. Присутствіе отдѣльной рѣдкой способности у двухъ самыхъ выдающихся русскихъ музыкантовъ является какъ бы первовѣстью новой человѣческой впечатлительности, которая въ будущемъ сумѣетъ создать нерукотворный храмъ Свѣтозвуча. Но для выполненія сложной задачи дѣйствительнаго воплощенія свѣтовой симфоніи Скрябина нѣтъ въ современности надлежащихъ условій. То, что сдѣлалъ въ этомъ смыслѣ нашъ Большой Театръ исполненіемъ Скрябинскаго „Прометея“, есть не вознесеніе гениальнаго имени Скрябина, а недостойное искаженіе пышнаго замысла. Уже одно то, что колдовское число семь въ свѣтовой игрѣ было подмѣнено неполномочнымъ три, указываетъ не на досягнувеніе, а на убогость посягнувенія. Скрябинъ повелѣлъ наполнить свѣтами пространство, которое пронизано игрою его колдующихъ звуковъ. Онъ въ замыслѣ ввелъ въ чарованіе всю богатую ёмкость простора, а тутъ въ отгороженномъ помѣщеніи, вмѣсто цвѣтовой семиструнной китары, пытается быть плѣнительной трехструнной балалайка. Явно, что здѣсь свѣтоносный богъ Аполлонъ замѣненъ приземистымъ африканскимъ божкомъ Бесомъ.

Вѣрна ли самая мысль Скрябина о сочетаніи его



Огненной Мистеріи Прометея съ игрою Свѣтоцвѣта? И да, и нѣтъ. Нѣтъ, въ томъ смыслѣ, что музыка, будучи Божески самодостаточнымъ царствомъ, не нуждается ни въ какихъ сопутствующихъ достиженіяхъ иной красоты, и, говоря въ каждой душѣ инымъ голосомъ, этой душѣ сроднымъ, будетъ не обогащать, а ограничивать свое краснорѣчіе, сопутствуемое опредѣленной дополняющей красотой. Чтобы сопутствующая красота была не просто дополнительная, а глубинная, абсолютно сродная, какъ это мы видимъ въ таинствахъ Природы, надо, чтобы угаданіе художника было столь же неукоснительно вѣрнымъ и единственнымъ, какъ вѣрны угаданія творящей Природы. Но въ то же время Скрябинъ совершенно правъ въ своемъ замыслѣ, ибо онъ, презиравшій будничное и часто восклицавшій: „Жизнь должна быть праздникомъ“, смотрѣлъ на свою свѣтовую симфонію какъ на священное празднество. А въ отдѣльномъ праздникѣ своеволие и введеніе угадчивой творческой прихоти — самодержавный законъ зиждительной воли. Сочетать игру звуковъ съ игрою свѣтовъ всегда — не должно, сочетать ее съ игрою свѣтовъ на священномъ праздникѣ — необходимо.

Но вѣрно ли даже и первое утвержденіе? Быть-можетъ, нѣтъ. Развѣ, когда внезапно протянется полоса солнечнаго свѣта въ комнатѣ, мы не подходимъ безотчетно къ рояли и не начинаемъ играть? Развѣ, когда мы играемъ на музыкальномъ инструментѣ, намъ не радостно оттого, что около насъ поставили расцвѣтающіе цвѣты? Развѣ простой свѣтъ концертнаго зала не поднимаетъ нашу радостную возбу-

жденность? Развѣ пастушеская свирѣль, созывая стада, не кажется намъ особенно прекрасной потому, что вмѣстѣ съ ея звуками разливается по небу румяная радость зари, а на каждомъ луговомъ стеблѣ—дро-жить росистый яхонтъ?

Сочетаніе свѣта именно съ музыкой Скрябина неизбѣжно, ибо вся его музыка свѣтовая. Въ музыкальномъ творчествѣ Скрябина живъ Востокъ. Потому его музыка нравится людямъ Востока, которые въ общемъ совсѣмъ нечувствительны къ Европейской музыкѣ, или же ощущаютъ ее враждебно. Скрябинъ, не переставши быть Европейцемъ и Русскимъ, былъ Индусомъ, какъ о немъ кто-то сказалъ. Онъ угадалъ Востокъ, воздухъ котораго всегда исполненъ симфоніями свѣта.

Послѣ того, какъ цѣлый годъ я былъ въ Океаніи, на Явѣ, на Цейлонѣ, и въ Индіи, я вернулся въ Парижъ. Послѣ тропической природы и Восточной музыки, я нестерпимо жаждалъ столь любимаго мною съ дѣтства фортепіано. Въ одинъ изъ первыхъ вечеровъ я пошелъ слушать одного знаменитаго піаниста. Но вмѣсто наслажденія я испыталъ мученіе. Моя музыкальная впечатлительность измѣнилась. Кругомъ слушатели наслаждались, а я видѣлъ скучнаго человѣка, въ скучномъ черномъ фракѣ, и слышалъ, какъ изъ большого черного ящика онъ извлекаетъ какими-то деревянными молоточками неполные звуки разныхъ инструментовъ, сопровождающіеся несомнѣннымъ отзвукомъ дерева. Послѣ перваго отдѣленія я ушелъ. Вскорѣ послѣ этого я пріѣхалъ въ Москву и здѣсь увидѣлъ Скрябина. Эта встрѣча

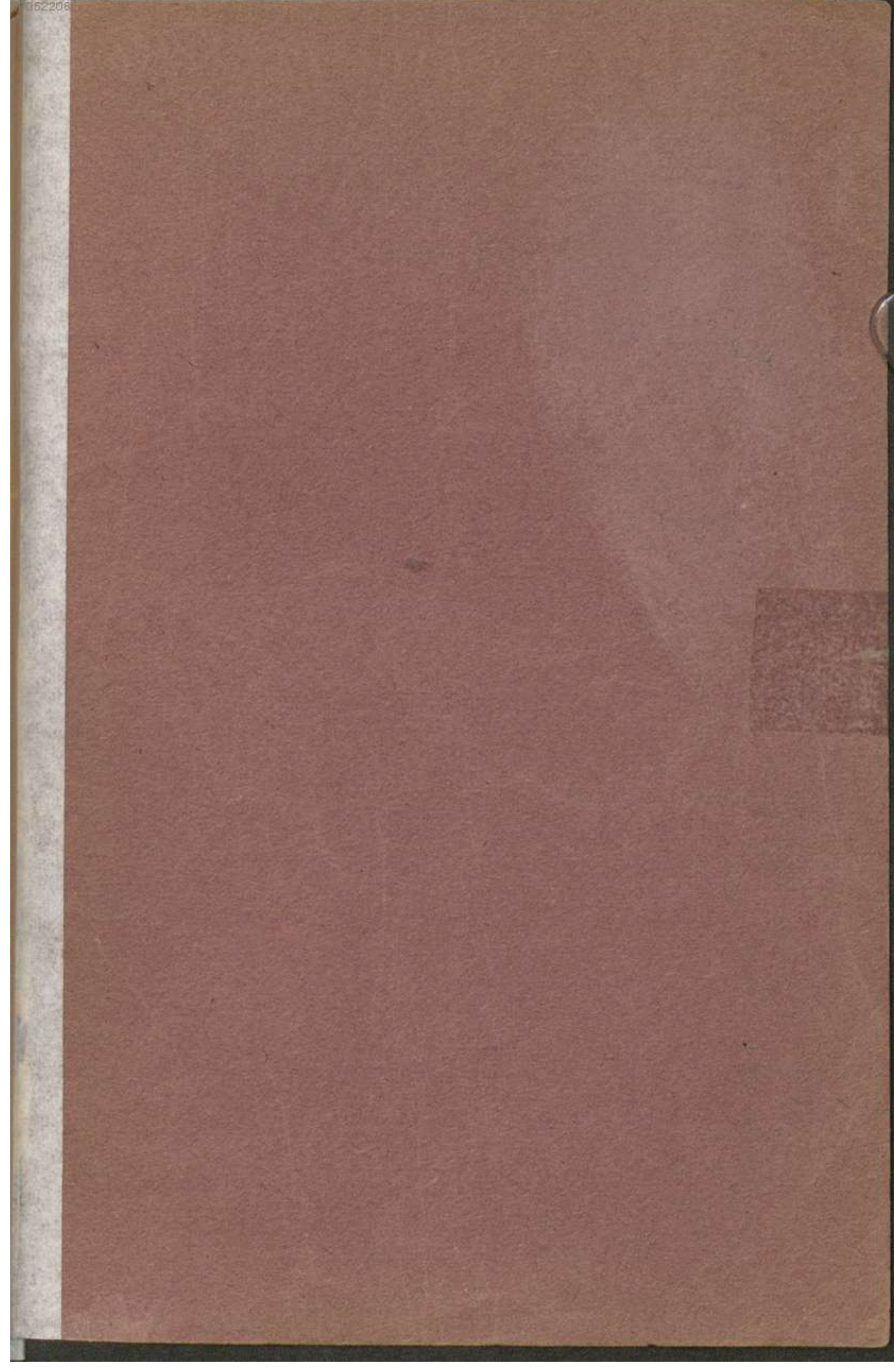
навсегда сохранится въ моей душѣ, какъ видѣніе ослѣпительной музыкальности. Это было видѣніе поющихъ, падающихъ лунъ. Музыкальныхъ звѣздностей. Арабесокъ, гіерогрифовъ, и камней, изваянныхъ изъ звука. Движеніе Огня. Прорывы Солнца. Кличъ души къ душѣ. Откровенье, дошедшее съ другой планеты. Пѣвучая озаренность самага воздуха, въ которомъ двигался этотъ плѣнительный ребенокъ боговъ. Это было то же фортепіано. Но на этотъ разъ оно оправдывало свое наименованіе. Это была сильная нѣжность. Могучая нѣжность.

Въ своей книгѣ о душѣ Аристотель говоритъ:— „Тѣло есть сгущенный Огонь, потухшій, душа—Огонь первородный, въ образѣ своемъ чистый“. Одинъ магическій папирусъ древняго Египта говоритъ:— „Когда Солнце плачетъ вторично и роняетъ влагу изъ своихъ глазъ, эта влага превращается въ пчелъ, которыя работаютъ“. Первобытные жители Маріанскихъ острововъ, когда впервые увидѣли Огонь съ пріѣздомъ Магеллана, говорили, что Огонь это волшебный звѣрь, который прилипаетъ къ дереву, поѣдая его. Райдеръ Хаггартъ, въ повѣсти „Голова Колдуньи“, говоритъ:— „Какъ раздавленный цвѣтокъ пахнетъ нѣжно, такъ все, что наиболѣе красиво и устремительно въ человѣческой природѣ, призывается къ жизни, когда Богъ положитъ на насъ свою тяжелую руку“. Это все, и многое другое, толпится въ моемъ умѣ, когда я думаю, что есть музыка Скрябина, и какъ онъ ее игралъ самъ. Но его рука была противоположность тяжести. Она порхала какъ лѣтнія стрекозы, у которыхъ крылышко есть солнечное зер-

кальце, и какъ пляшутъ въ вулканическомъ огнѣ саламандры, которыя, по слову Парацельса, не имѣютъ части съ человѣками и не говорятъ совсѣмъ, а поютъ огненные пѣсни. И суть духи, но не призраки,—когда жь являются, то обладаютъ плотью и кровью, но только легки и быстры и духи.

Я вспоминаю еще, что избранный Египтянами, какъ вѣстникъ Солнечнаго Диска, соколъ летаетъ очень быстро и прямо, но когда онъ проворно перелетитъ такъ большое пространство, вдругъ онъ остановится въ воздухѣ и долго паритъ, и когда, медля въ солнечномъ воздухѣ, онъ быстро рѣетъ крыльями, вокругъ него возникаетъ круговая быстрая пряжа солнечныхъ лучей, какъ ореолъ вокругъ лика избранниковъ.

И я вспоминаю еще, что Русскій народъ, загадывая загадку объ Огнѣ, говоритъ о немъ такъ:—„Въ камнѣ спалъ, по желѣзу всталъ, по дереву пошелъ, какъ соколъ полетѣлъ“.



15

мк 14288/86

Ц. 75 к.

